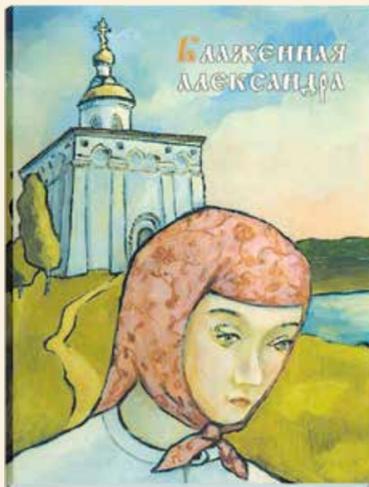


Блаженная Александра

Чуть больше века назад на истринской

земле, в деревне Сафониха, жила блаженная девица Александра, отличавшаяся от других своей праведной жизнью, помощью нуждающимся и способностью предвидеть будущее. Первые сведения о ее жизни собрала в конце 1990-х годов журналистка Марина Кравцова. Результатом ее труда стала изданная в 1999 году книга **«Блаженная Александра»**. Тираж издания уже полностью разошелся, но текст его можно найти в Интернете, в том числе и на сайте проекта «Утраченный Божий Дом» (www.istra-Itc.ru). А не так давно нашелся человек, наш земляк, краевед Сергей Носиков, который, заинтересовавшись этой темой, провел собственные изыскания и сейчас готовит дополненное и расширенное переиздание книги. Судьба главной героини оказалась удивительной и полной загадок...

текст
Сергея Мамаева



Обложка книги «Блаженная Александра», изданной в 1999 году

Наиболее полные воспоминания о блаженной Александре оставила старожил деревни Юркино Мария Ефимовна Кузнецова, лично знавшая Сашеньку, будучи еще маленькой девочкой. Сашенька, как все ее называли, была среднего роста и телосложения, с коротко стриженными русыми волосами. Всегда одевалась очень легко: летом и зимой носила пиджачок и холщевую

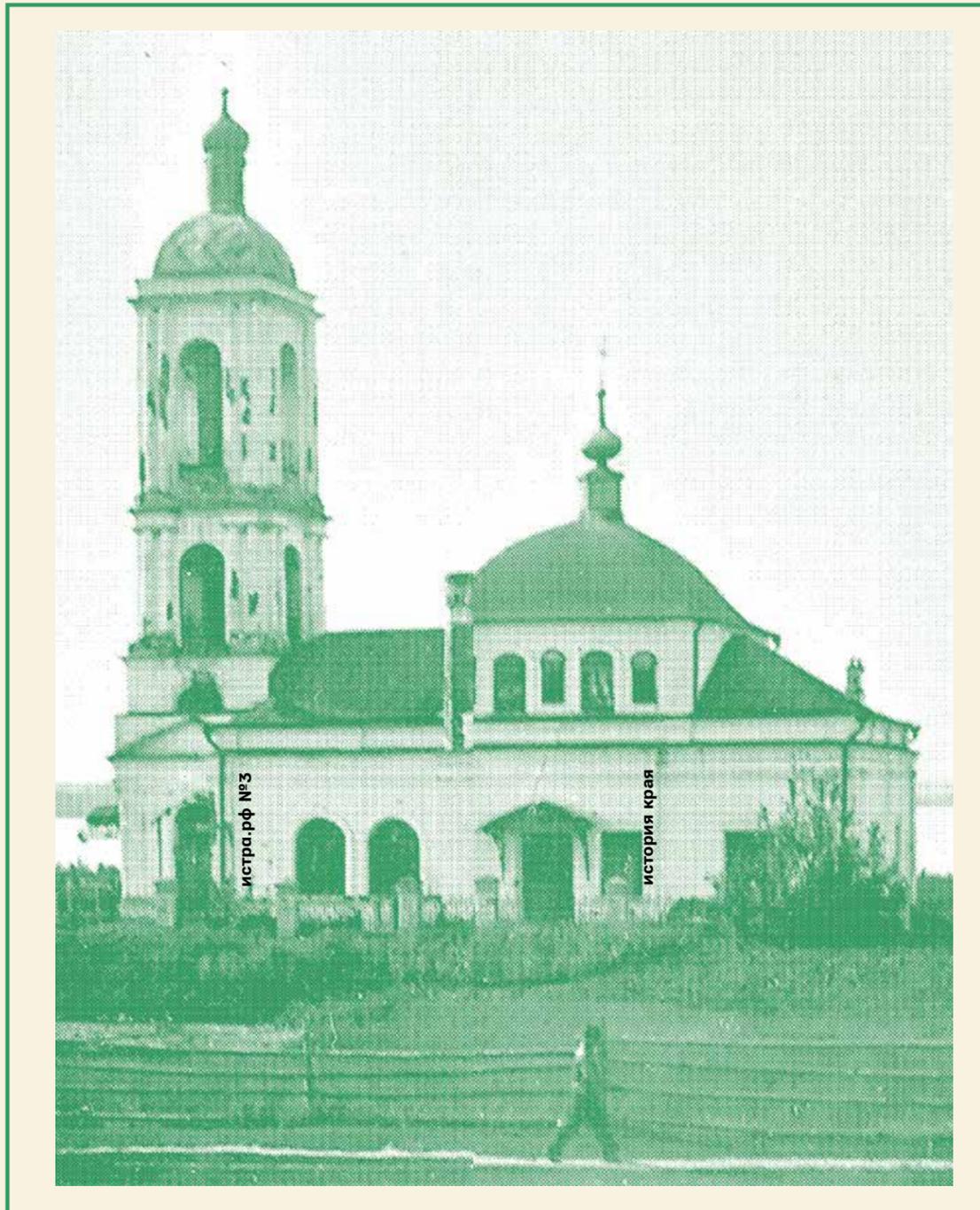
рубашку, в морозы покрывалась шалью и на босые ноги надевала валенки. Родилась она в деревне Углынь Рузского уезда Московской губернии. Когда ей было примерно 8 лет, умер ее отец, еще через несколько лет не стало и матери. Родная тетка Мавра забрала девочку к себе.

Мавра жила в соседней деревне Сафониха, была бездетной, но набожной женщиной. Жили они бедно, порой надеть и обуть было нечего. Сашенька спала на лежанке, накрывалась простыней, а под голову клала маленькую ватную подушку. И хотя в школу она не ходила, только и сидела за книгами, самостоятельно выучилась хорошо читать по-русски и по-славянски. В доме, видимо, было немало церковных книг, абсолютно точно — множество икон и даже крест с распятием от пола до потолка. Со сверстниками Сашенька не гуляла, выходила из дома лишь с теткой на похороны односельчан, да в окрестные храмы по воскресным дням.

До поры до времени ничего необычного тетка Мавра за Сашенькой не замечала, хотя и была она не совсем обычным ребенком. Но лет в 16-18 вовсе

изменилась, стала задумчивой, сама себе на уме. На вопросы тетки не отвечала и подолгу пребывала в молчании. А вскоре стала помаленьку оказывать помощь недужным: лечить людей с припадками, читать акафисты над буйными и даже предсказывать. Часто отвечала на вопросы притчами, а иногда даже молча, жестами подсказывала людям решение в делах. А когда сложно было понять, Мавра растолковывала ее предсказания.

Мария Ефимовна вспоминала свое детство, когда жила она с родителями напротив Успенского храма в селе Онуфриево. Однажды зашли к ним



Храм Успения Богородицы в селе Онуфриево. Начало 1940-х годов. Из фондов музея «Новый Иерусалим»

в гости Сашеньку с теткой Маврой. Вскипел самовар, сели все вместе пить чай. Сашенька посадила рядом с собой Машеньку, отломив ей кусочек просвиры, налила чаю, положила кусочек сахара и... шепотку соли! Тетка Мавра сразу же пояснила действия Сашеньки: «Жизнь у тебя будет — терпеть да терпеть. И соленая, и немножко сладкая, просвира — к терпению». Так и вышло. Хлебнула Мария Ефимовна всех бед, выпавших на долю русского народа в беспокойном двадцатом веке. И это не единственный случай, рассказанный старожилом при личной встрече с писательницей и журналисткой Мариной Кравцовой.

Вся округа ходила со своими проблемами и вопросами к Сашеньке. Даже издалека, из Можайска приезжали люди, узнавшие о блаженной. Дня не проходило, чтобы к ней кто-то не пришел за помощью или исцелением. Одних рассудит, другим подскажет, третьих пожурит. «Пришла как-то к Сашеньке женщина за советом, — рассказывала Мария Ефимовна, — мол, ложиться ей на операцию в больницу или нет? Сашенька молча легла на скамейку, закрыла глаза, сложила руки на груди. Ничего не сказала, а женщина поняла: от операции умрет. И не поехала в больницу, а здоровье ее поправилось».

Блаженная за свою помощь денег не брала, а все подарки, в основном вещи, что ей приносили люди, раздавала. Так они и жили с теткой в небольшом доме в Сафонихе. Кормились со своего огорода, а когда сил не хватало его обрабатывать, соседи помогали: один вспашет, другие помогут картошку посадить. Но находились и такие, кто не понимал Александру, считал ее ненормальной за такой образ жизни. На упреки и насмешки в свой адрес блаженная внимания не обращала, но однажды, когда один из таких людей стал хулить имя Божье, плюнула она в его огород, а осенью и собирать ему там было нечего. Сам обрек семью на голод.

Каждое воскресенье в любую погоду Сашенька с Маврой отправлялись в храм. Тетка никуда ее одну не пускала. Куда блаженная желала идти, туда и она с ней. Сказала: «Пойдем в Божий храм в Юркино» — шли в Юркино. Решала в Онуфриево пойти, шли туда. Местные священники Александру уважали, благословляли ее. Однажды, как вспоминала Мария Ефимовна, предсказала блаженная судьбу храма в Юркине. Пришли они с теткой на службу перед Ильиним днем, Сашенька вышла на улицу, легла на бок у паперти и скатилась под горку прямо в речку. Потом вылезла, поднялась и снова зашла в храм, вся мокрая. Тетка Мавра сразу поняла, что придет время, когда храм будет разорен, но потом очистится и возродится.

После Октябрьской революции Александру злые языки обвинили в колдовстве, представители новой власти ее арестовали и посадили в тюрьму в Рузе. Морили голодом, иногда давали лишь тухлую селедку. Блаженная есть отказывалась, но в то же время оставалась бодрой и здоровой. Прислали следователя из Москвы разбираться, что к чему. Зашел он к Сашеньке в камеру, сначала говорил спокойно, а потом стал кричать и угрожать. Блаженная ему сказала тихо: «У тебя есть Дунька и Манька, что тяжело больна. Оставь Дуньку, а Манька поправится». Удивился следователь, ведь Дуней звали его любовницу, а Маней — жену. Прислу-

шался к совету осужденной, и жена вскоре поправилась. А сам он, изучив дело по совети, а не по приказу, помог Сашеньке выйти из тюрьмы, а потом долгое время приезжал и на могилу ее с женой и детьми.



Мария Ефимовна Кузнецова. Конец 1990-х годов

Блаженная сама говорила, что не будет жить при новой власти, и вскоре после революции скончалась, хотя было ей тогда едва за тридцать. Собираясь однажды в храм в Онуфриево, Александра прихватила с собой лопату. Отстояли службу, затем блаженная подошла с теткой к определенному месту в ограде храма, воткнула в землю лопату и сказала: «Ну, пожалуй, здесь и хорошо». Так она выбрала себе место захоронения, а вскоре и умерла — тихо, во сне, никому ничего не сказав накануне. И такое множество людей пришло с ней проститься, что похоронная процессия растянулась аж на четыре километра. Когда гроб подносили к храму в Онуфриево, последние провожающие только выходили из Сафонихи. Гроб ее несли незамужние девушки в белых платках. Они потом говорили, что «нести было легче, чем ложку поднять». Девицы часто менялись, каждой хотелось проводить Сашеньку. Рядом с гробом несли три подсвечника, так погода была такая тихая, что ни одна свечка в пути не погасла. А при прохождении через лес, как вспоминали очевидцы, слетелось ко гробу множество разных птиц, все они пели и щебетали до самой церкви.

У храма процессию встретили колокольным звоном. Ограда Успенской церкви не вмещала всех пришедших проводить Сашеньку в последний путь. Много было и духовных лиц, в том числе из Москвы. Когда тело усопшей внесли в храм, три паникадила и все свечи в храме сами зажглись, а как только тело предали земле после отпевания, так же таинственным

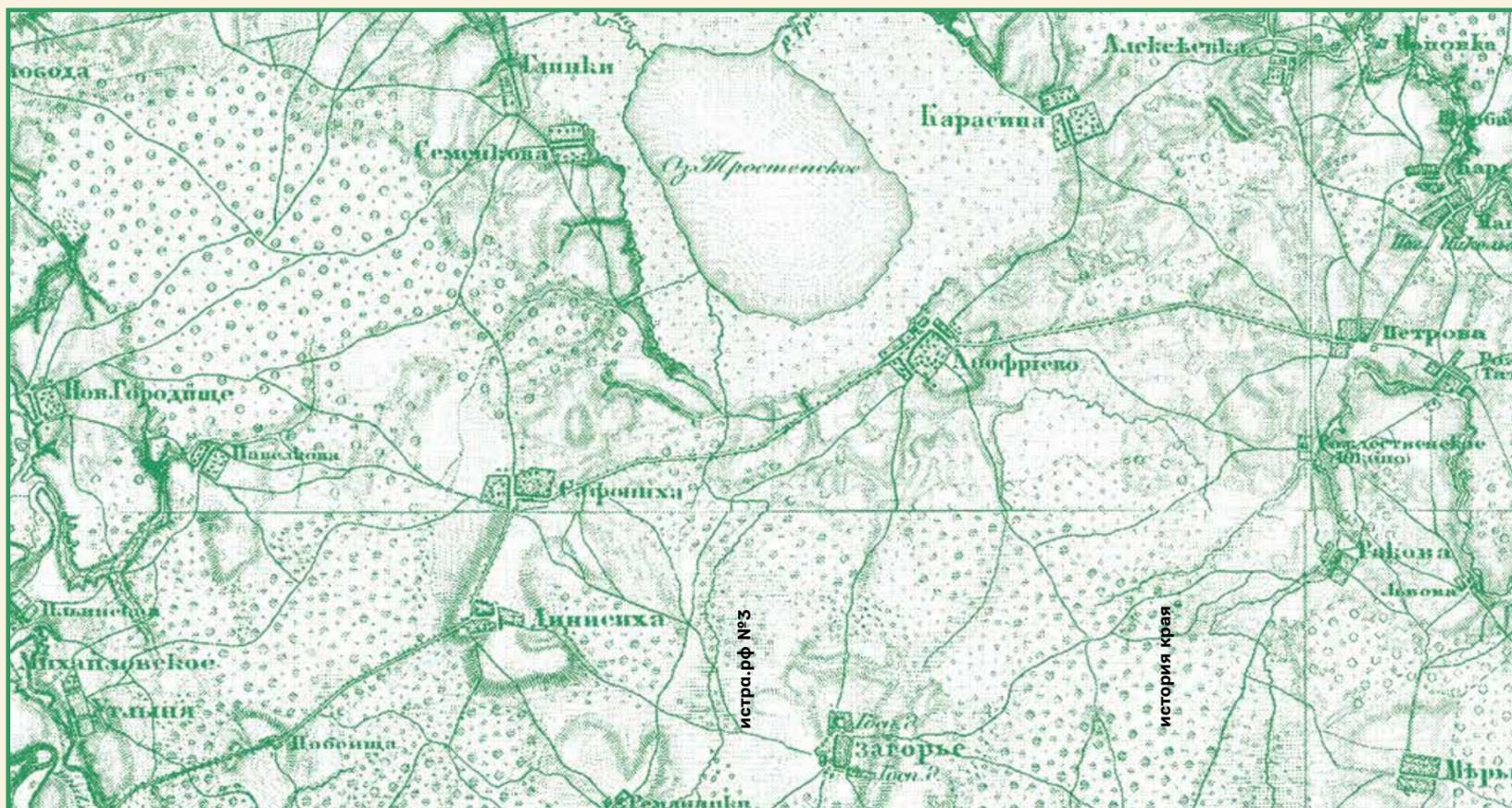
образом погасли. На могиле блаженной установили сразу три деревянных креста: один — из Онуфриева, другой — из Волоколамска, а третий — из Можайска. Про похороны блаженной вспоминали и другие окрестные старожилы — Александра Семеновна Коламанкина и Пелагея Васильевна Сорокина. И почти слово в слово они повторяли рассказ Марии Ефимовны Кузнецовой, хотя друг друга они даже не знали.

Сразу же могила блаженной Александры стала местом паломничества. Люди продолжали ходить к ней, просить разрешения своих бед, даже земля с ее могилы помогала исцелять больных. Брали домой и цветки сирени, что обильно росла вокруг крестов. В день рождения Сашеньки, на Пасху и великие праздники захоронение блаженной оказывалось всё в цветах. Потом начались гонения на верующих, а осенью 1941 года при наступлении фашистов на Москву Успенский храм был взорван нашими отступающими частями, чтобы его колокольня не служила ориентиром для ведения артиллерийского огня. После войны у бывшей церковной ограды начали разрабатывать песчаный карьер. Все захоронения в ограде храма уничтожили. Все, кроме одного — блаженной Александры. Хотя почитание Сашеньки в народе не прекращалось, со временем становилось всё больше людей, у которых память о Божьем человеке не вызывала чувства благоговения. Ограда могилы была изломана и окружена сараями. Местные жители на месте кладбища копали себе погреба, оставляя гробы в качестве полок для банок с соленьями.

навливаемому Крестовоздвиженскому храму в селе Дарна. Мощи блаженной вскрыли в конце мая 1996 года после панихиды, отслуженной на месте отцом Константином Волковым — мо-

ними камнями и плотной землей. И вот спустя шесть часов очередной камень в углубление после удара ломом провалился в пустоту. Участница тех событий Надежда Антонова позднее вспомина-

до алтаря храма, четко выставили прямой угол, переложили камни. Однако на следующее утро заметили, что камни опять повернуты несколько в сторону. Тогда поняли, что это сама Сашень-



Углынь, Сафониха, Онуфриево и Юркино. Фрагмент карты Шуберта 1860 года.



Перезахоронение останков блаженной Александры. 1996 год

ла: «Головка Сашеньки была в платочке шелковом, розовом. Был еще огарочек свечи, чашечка и удивительный деревянный крестик — дубовый, резной, беленький, как будто только что сделан».

Останки блаженной аккуратно сложили в новый гроб и отвезли в Дарну, где за алтарем храма уже была подготовлена новая могила. Отец Константин взял из гроба лишь тот самый свечной огарок и зажег от него свечи в храме. Так свеча, погасшая век назад, затеплилась снова, символизируя память об угоднице Божией блаженной Александре и преемственность православной веры. Но на этом чудеса не закончились. Новую могилу блаженной Александры обложили природным камнем перпендикулярно алтарю храма. Настоятель всё проверил, отслужил панихиду, окропил водой кованный железный крест. А на следующее утро пошел посмотреть на захоронение — и остановился в недоумении. Могила, обложенная камнями, оказалась несколько повернута в сторону. Батюшка позвал рабочих и указал им на недочет. Рабочие заново натянули шнур от креста могилы

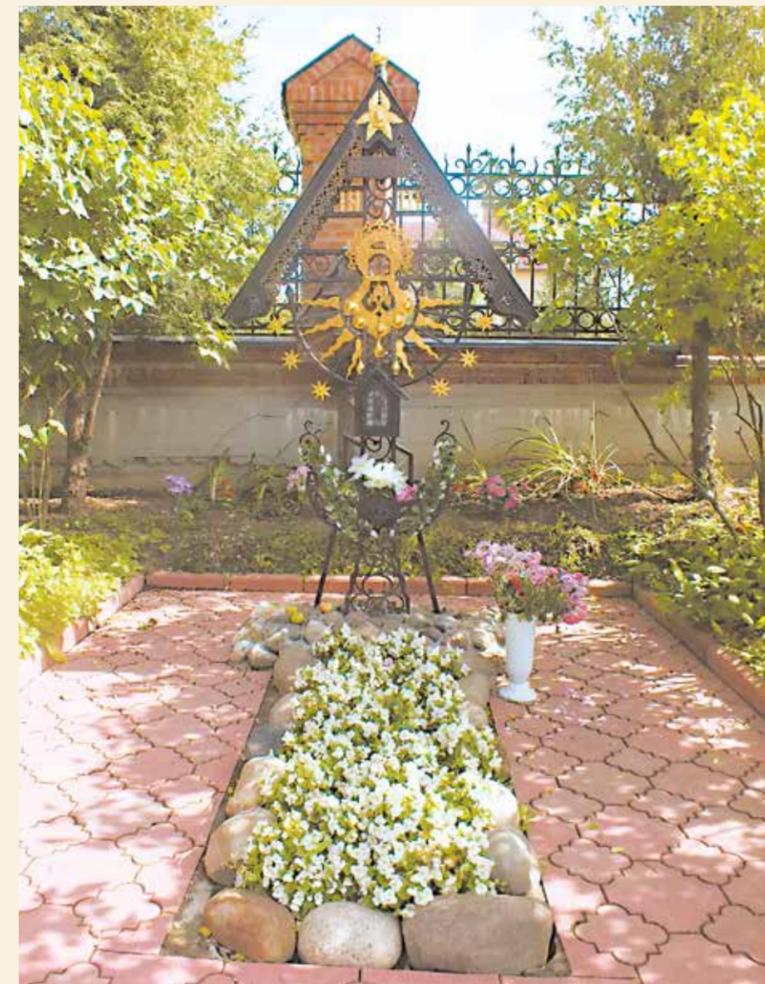
лодым настоятелем храма в Дарне. Грунт на могиле оказался тяжелым: мелкая щебенка чередовалась с круп-

ка так пожелала. Больше исправлять не стали. И по сей день могила и крест находятся в таком же положении.

На кованом надгробном кресте указана лишь одна, и то приблизительная, дата кончины блаженной Александры — ноябрь 1917 года. До сих пор ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию не удалось, как не удалось обнаружить и точную дату ее рождения. Лишь в одном источнике упоминается 6 мая. По старому или по новому стилю? И какого года? Остается множество и других загадок в судьбе Александры. Никто из лично ее знавших ни разу не упомянул ни ее фамилии, ни отчества. Истринский краевед Сергей Павлович Носиков в готовящейся книге представит читателям целое расследование, которое он провел на эту тему. Но даже с его тщательным и скрупулезным подходом к работе в архивах не удалось пока приблизиться к истине ни на шаг. Может, еще не пришло время нам об этом узнать? ●



Восстановительные работы в храме Рождества Христова в селе Юркино. 2015 год. Фото С. Носикова



Могила блаженной Александры за алтарем храма в селе Дарна. 2015 год. Фото С. Носикова

В конце XX века остро встал вопрос о спасении захоронения блаженной. По благословию благочинного отца Георгия Тобалова приняли решение перенести останки Александры к восста-